

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-42-59

М. В. Строганов¹*Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)*

АРМЕНИЯ И АРМЯНЕ В СОЗНАНИИ ГРИБОЕДОВА

Систематический анализ всех контекстов из сочинений А. С. Грибоедова, в которых используются слова *Армения* и *армяне* (*армянский*), позволяет рассмотреть их как единый нарратив, описывающий историю отношения Грибоедова к Армении и армянам. Грибоедов в начале своей дипломатической карьеры (рубеж 1810–1820-х гг.) относился к современным армянам достаточно индифферентно, без личной заинтересованности. Армения для Грибоедова существовала не как государственное образование, а как историко-культурное явление, и его высказывания об армянской государственности объясняются либо незнанием исторических фактов, либо поэтическим увлечением. Вместе с тем Грибоедов знал историю насильственного переселения армянского народа из мест традиционного обитания (великий сургун). В конце 1820-х гг. в связи с массовой иммиграцией армян на свою историческую родину Грибоедов пересматривает своё отношение к судьбе современной Армении, хотя его помощь армянскому народу может быть истолкована либо как выполнение государственным чиновником своих обязанностей, либо как заинтересованная помощь страждущему народу.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, Армения, армяне, великий сургун, иммиграция, дипломатия

Mikhail V. Stroganov*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*

ARMENIA AND ARMENIANS IN GRIBOEDOV'S MIND

A systematic analysis of all the contexts from A. S. Griboyedov's works in which the words *Armenia*, *Armenians* and *Armenian* are used allows us to consider them as a single narrative describing the history of Griboyedov's attitude to Armenia and the Armenians. At the beginning of his diplomatic career (the turn of the 1810–1820s) Griboyedov treated modern Armenians quite indifferently, without any personal interest. For Griboyedov, Armenia did not exist as a state entity but rather as a historical and cultural phenomenon, and his statements about the Armenian statehood are explained either by the ignorance of historical facts or by his poetic passion. However, Griboyedov knew the history of the forced resettlement of the Armenian people from the places of traditional habitation (Great Surgun). In the late 1820s, in connection with the mass immigration of Armenians to his historical homeland, Griboyedov appeared to have reconsidered his attitude to the fate of modern Armenia, although his assistance to the Armenian people can be interpreted either as a state official fulfilling his duties, or as an interested assistance to the suffering people.

---

¹ Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

Keywords: A. S. Griboedov, Armenia, Armenians, Great Surgun, immigration, diplomacy

Грибоедов является чуть ли не национальным героем Армении, и исследователи и публицисты говорят о Грибоедове в панегирических тонах. Один из авторов приводит слова католика Нерсеса Аштаракци: «Грибоедов был защитником армянского народа». И делает вывод: «В Армении народ повсюду встречал его как своего добродетеля, как человека, чьими усилиями стало возможно спасение жизней тысяч и тысяч армян». И ещё: «Вероломное убийство Грибоедова армянский народ воспринял как своё горе, как потерю человека, который более всех из современников был чуток и справедлив к исторической судьбе Армении и сделал очень многое для её настоящего и будущего» [Исаакян, 2005, с. 148, 158] (см. также: [Ениколопов, 1962; Сафарян, 2013]). Мы несколько не хотим подвергать сомнению обоснованность этого почитания. Но мы должны поставить это почитание на историческую почву, на почву фактов и доказательств. Этому и посвящена настоящая статья.

В принципе, перед нами две задачи. Первая – выяснить, какими видел Армению и армян Грибоедов (краткую справку см.: [Фомичев, 2007, с. 61–62]). Вторая задача – определить, что и из каких соображений Грибоедов делал что-либо в пользу армянского народа. Но решить эти задачи во всей полноте в данной работе мы едва ли сможем. Поэтому сейчас рассмотрим только вопросы, связанные с великим сургуном армян и возвращением их на историческую родину.

1

Во всех своих текстах Грибоедов только дважды упоминает Армению. В примечаниях к «Необыкновенным похождениям и путешествиям русского крестьянина Дементия Иванова Цикулина в Азии, Египте, Восточной Индии с 1808 по 1821 год, им самим описанным» (1825) по поводу фразы Цикулина «...объявил я намерение своё отправиться в город Иерусалим, для поклонения св<ятым> местам. Они присоветовали мне ехать по реке Шату» Грибоедов пишет:

«*Река Шатт*. Здесь наш путешественник делается совершенно непонятым в географическом отношении. Он говорит, что, выплыв по реке Шатту, переплыл через реки Евфрат, Тигр и Мурад и прибыл в Бостру через 3 дни. Он смешивает разные названия Евфрата и Тигра и, вероятно, *Бострою* называет *Бассору*, или *Бассру*. Хотя и в самом деле существует город по имени *Бостра*, но он не лежит в Сирии, в Дамасском пашалике, и вовсе не при Евфрате, ниже при Тигре. Река Евфрат, вытекая из гор Армении, соединяется с другой рекою в Диарбекире, называемую Мурадом; ниже Багдада соединяется она с Тигром, где, получив название Шатта, протекает к Бассоре и наконец впадает в Персидский залив. Следовательно, Цикулин выплыл из Багдада по реке Тигру, который по-арабски называется *Диджлы*, прибыл на Шатт и оттуда отправился в Бассору, не в Бостру» [Грибоедов, 1999, с. 272–273].

Здесь Армения – название не страны, государства, а географического региона, собственно – горной местности.

Справедливости ради следует заметить, что Грибоедов придирается к Цикулину совершенно «не по делу». Напомню, что Цикулин пишет о своём пребывании в Багдаде:

«Спустя несколько времени, нашёл я там двух беглых солдат из казанских татар, которым объявил я намерение своё отправиться в город Иерусалим, для поклонения Св. местам. Они присоветовали мне ехать по реке Шату на Арабском судне, на которое и взяли меня хозяева оною. Через 6 дней после отбытия выплыли мы на реку Евфрат, где напали на нас арабские разбойники и побили у нас 24 человека. Но как я с прочими 11 человеками не стал им противиться и как мы добровольно отдали им всё, что у нас было на судне, то они оставили нас в живых. Мы, плывя по рекам Шату, Евфрату, Тигру и Мураду, чрез 3 дни после ограбления прибыли в город Бостру» [Цикулин, 1825, с. 48–49].

Речь идёт о городе Басре, расположенном на берегу реки Шатт-эль-Араб: «Турецкий город Бастро (Бассора) лежит близ Арабского (Персидского) залива, в которой впади и соединились в одно течение пять прекрасных рек, а именно: Шат, Евфрат, Тигр, Мурат, и какое название пятой реке (вероятно, он хочет сказать о реке Кера), о том не упомяну» [Цикулин, 1825, с. 53]. Если учесть уровень образования рязанского крестьянина Цикулина и ситуацию, в которой он оказался, мы едва ли решимся хоть в какой-то мере упрекать его за неточности.

Дело в том, что реки данной местности отличаются тем, что они не имеют одного названия от истока до устья, а получают названия от слияния двух рек друг с другом. В частности, Евфрат образуется в результате слияния рек Карасу (Западный Евфрат) и Мурат (Восточный Евфрат). А река Шатт-эль-Араб образуется слиянием Евфрата и Тигра. Кроме того, Цикулину немудрено было спутать сирийский ныне город Босру, который имеет у разных народов, населяющих эти места, самые разные названия (Бостра, Бусра, Боссейра, Восор, Бецер), и иракский ныне город Басру (у Грибоедова Бассора), поскольку они оба входили, пускай и формально, в состав Османской империи.

Грибоедов, однако, не знает, что Западный Евфрат назывался Карасу: «Река Евфрат, вытекая из гор Армении, соединяется с другой рекою в Диарбекире, называемою Мурадом». Не знает он, что слияние Карасу и Мурата происходит около города Элазик, а город Диарбакыр стоит на Тигре. Наконец, стоит уточнить, что название Басры – Бассора Грибоедов заимствует из повести Вольтера «Задиг, или Судьба» (1747). Мы вынуждены были сделать этот небольшой экскурс в сторону от нашей темы, чтобы показать относительность знаний Грибоедова об описываемой территории, на самом деле очень мало знакомой тогдашним европейцам.

Второй (а по времени первый) раз Грибоедов упоминает Армению в своих путевых записках, написанных в виде писем к С. Н. Бегичеву. Прибытие русской миссии в Эривань (Ереван) 4 февраля 1819 г. он отмечает следующей записью:

«Вот другой день пребываем в армянской столице, любезный друг. <...>

Ещё теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занги в иных местах застыла, в других медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенной Грузии, и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса, или ещё прежде, отделился влево, с другим мы расстаёмся, – он уклоняется к западу; всё

вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но здешние равнины скучнее тех скатов и подъёмов, которые мы позади себя оставили, – пустынное однообразие. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Du centre des déserts de l'antique Arménie» [Грибоедов, 1999, с. 299].

Весьма примечательно (заметим кстати), что источник французской фразы до сих пор не опознан, главное – этой фразы нет и в трагедии «Радамист и Зенобия» П.Ж. де Кребийона (*Rhadamiste et Zénobie*, 1711), которую Грибоедов мог в первую очередь учитывать, так как сам имел замысел писать на этот сюжет. Вследствие этого напрашивается предположение, что стих был сочинён самим Грибоедовым по всем законам французской просодии.

Если же отвлечься от собственно комментаторских задач (хотя мы полагаем, что установление происхождения французского стиха помогло бы решить и общие вопросы отношения Грибоедова к Армении и армянам), – итак, если отвлечься от собственно комментаторских задач, то становится очевидным, что в обеих этих характеристиках: «из гор Армении» «вытекает» Евфрат; «из середины пустынь древней Армении» – речь идёт, разумеется, не о государстве, а о культурно-историческом центре мира, недаром вслед за французским стихом Грибоедов упоминает «двухолмный Арарат», наводящий «воспоминания, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями» [Грибоедов, 1999, с. 300]. Арарат – это гора библейского Ноя, Армения – это древняя земля, хорошо известная в истории и в Священной Истории, но это не государственное образование.

Однако самое начало дневниковой записи от 4 февраля 1819 г. даёт основание для совершенно иного толкования явления: «Вот другой день пребываем в армянской столице». Если смотреть с точки зрения большой исторической перспективы, именование Еревана армянской столицей оказалось исключительно точным предвидением будущего. Именно поэтому никто не комментирует конкретно-историческую ошибку Грибоедова. Ведь если смотреть с точки зрения, современной самому Грибоедову, именование Эривани армянской столицей было совершенно некорректным, а в устах члена дипломатической миссии и политически неосторожным: Эривань была административным центром одной из провинций Ирана, Эриванского ханства. Для Персии никакой Армении не было – значит, не могло быть и армянской столицы. Россия и Персия находились на тот момент в мире и обоюдно соблюдали права друг друга. И сотрудник дипломатической миссии называл Эривань армянской столицей то ли политически неосторожно, то ли политически расчётливо.

Вообще Ереван как таковой никогда до времён Грибоедова не был столицей многочисленных государств армянского народа. Все эти разные столицы располагались вблизи Еревана (иногда в непосредственной близости от него), и лишь одна – на территории современного Еревана, но называлась она Тейшебаини (680–585 гг. до н. э.). Ереван как населённый пункт сформировался 782 г. до н. э., но

административным центром стал только при персах. Однако европейцы на самом деле воспринимали Эривань как «главный город Армении» – так называл свою работу немецкий гравёр и картограф И. Б. Хоманн [Хоманн, [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ереван#/media/Файл: Erivan_die_Haupt-Stadt_in_Armenia.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ереван#/media/Файл:Erivan_die_Haupt-Stadt_in_Armenia.jpg); <https://dl.wdl.org/11740/service/11740.pdf>] (см. также: [Шарден, https://ru.wikipedia.org/wiki/Ереван#/media/Файл:05_Chardin_Yerevan1672.gif; <https://repository.library.brown.edu/studio/item/bdr:216519/>]).

После завоевания Северной Армении Персией в 1603 г. шах Аббас I Великий насильственно выселил жителей Араратской долины (от 250 до 300 тысяч армян [Bournoutian, 1999, p. 96; An Ethnohistorical Dictionary, 1994, p. 44; Price, 2005, p. 71]) в Персию, причём многие были жестоко убиты или погибли в пути, и эти события были названы *великий сургу́н*. Современные историки относят это переселение к политике «выжженной земли». Смысл этой политики сводился к превращению цветущих провинций в безжизненную пустыню, которая не представляет интереса для противника и не составляет опасности для завоевателя. В итоге к началу XIX в. армяне составляли значительное большинство населения лишь в горных районах Карабаха и Зангезура. В Эриванском и Нахичеванском ханствах число армян в начале 1600-х гг. составляло 98%, в 1795 г. – 50%, а в 1828 г. – 20%, как показала перепись 1830–1831 гг. [Bournoutian, 1999; The Armenian People, 2004, p. 96], которая была проведена Россией и, следовательно, давала точные данные, поскольку Россия стремилась к увеличению армянского населения (как христианского) в этом регионе. Более того, армяне как христиане не занимали официальных служебных должностей. И чиновник российского посольства не имел возможности знакомиться с армянами.

Грибоедов понимал это и в путевых записках писал 10–13 февраля 1819 г.:

«Об обычаях здешних и нравах мне ещё труднее сказать моё мнение от недостатка времени и случая к наблюдениям. Если по одному позволено судить о многих, вот что я видел в доме богатого и знатного эриванца. Фараша его в 18 градусов по Реомюру, с раскрытой шеей, без зипунов, не согреваются даже достаточную пищу, но господин иногда ущедряет: разделяет им подачи со своего стола из собственных рук, по кусочку пирожного, наиболее приближенным. <...> В заключение скажу тебе об эриванских жителях, что они летом, может быть, очень приятные люди, а зимой вымораживают своих гостей; это никуда не годится; я продрог у сардаря и окостенел у Мегмед-бега» [Грибоедов, 1999, с. 305–306].

Из этого следует, что армян в Эривани Грибоедов не видел и что «эриванцами» и «эриванскими жителями» он называет персов-мусульман.

Грибоедов знал, конечно, историю великого сургуна хотя бы в общих чертах. Ещё по пути из Моздока в Тифлис в октябре 1818 г. в качестве характерной черты каравана через Северный Кавказ он отмечает: «Караван, описание, странствующие 600 (человек): ружейные армяне, пушки, пехота, конные рекогносцируют» [Грибоедов, 1999, с. 287]. «Ружейные армяне» – это солдаты из «армянских» рот и эскадронов, сформированных из армян, которые с 1724 г. стали покидать Персию и селились в районе Терека, где должны были заниматься садоводством и промышленностью, а также нести вместе с казаками сторожевую

или пограничную службу. В «Записке о лучших способах вновь построить город Тифлис» (1819 [нашу датировку этой статьи см.: Строганов, 2016]) Грибоедов отмечает «армянский монастырь» – армянский девичий монастырь Св. Степана, или Кусанец, который был основан в 1727 г. на склоне горы Сололаки. Как известно, в Тифлисе проживало очень много армян, бежавших из своих родных мест. Армянский народ жил в невольном и вольном рассеянии, а своего государства у него не было.

И тем не менее единственный раз и при самой первой встрече Грибоедов назвал Ереван армянской столицей. В этом случае возникает предположение, что это наименование было ошибкой: он из истории знал, что Ереван – это Армения, вот и сказал это. А при внимательном рассмотрении оказалось, что Эривань – это мусульманский город. Была ли эта, на самом деле невольная, произвольная ошибка, или это всё же была какая-то сознательная идеологическая акция – вот этот вопрос и нужно решить.

В какой-то мере проясняет этот вопрос следующий материал. В 1828 г. Грибоедов вместе с П. Д. Завелейским составил «<Проект учреждения Российской Закавказской компании>». Говоря о «выгодах, ожидаемых от учреждения Компании», они называют территорию вокруг Еревана и Нахичевани «Армянской областью» [Грибоедов, 2006, с. 334]. Используя эту номинацию в документе, адресованном графу И. Ф. Паскевичу, они следуют за официальными документами, потому что именно так называлась территория, созданная из бывших Эриванского и Нахичеванского ханств указом императора от 21 марта 1828 г. Но есть все основания полагать, что Грибоедов имел отношение к созданию этой номинации, хотя в своих собственных документах он допускал ошибки в этом именовании, и в письме к А. Г. Чавчавадзе от 23 октября 1828 г. называл его «правителем областей Армянской и Нахичеванской» [Грибоедов, 2006, с. 260].

В любом случае официальное конституирование слова *Армянский* имело важнейшее политическое значение. В донесении И. Ф. Паскевичу от 30 июля 1827 г. Грибоедов рассказывает о противостоянии мирным переговорам со стороны Гассан-Хана, брата сардаря Эриванского:

«Он во всё время пребывания моего в лагере сильно говорил против всякого с нами сближения, ездил к Шаху и просил денег и войска для защиты Эриванской области. <...> Сардарь и брат его, с уступкою нам Эриванской области, лишаются значительного источника их богатства» [Грибоедов, 2006, с. 206, 209–210].

Иначе сказать, область является Армянской – с точки зрения русских, по титульной, хотя численно не преобладающей нации, по гипотетически титульной нации. А с точки зрения персов, область является Эриванской – по названию ханства, в котором армяне составляют менее 20% населения. Грибоедов хорошо чувствует это и говорит, что находится «ещё не в настоящей Персии» [Грибоедов, 1999, с. 306]. Так что если назовёшь «Эриванской областью», то будет Персия (хотя и «не настоящая»), а если назовёшь «Армянской областью», – будет Россия (интересно, в какой мере «настоящая»?). Всё это чистой воды политика.

Из интересов этой политики Грибоедов уже в первую свою миссию приступает к исполнению одного из пунктов Гюлистанского мирного договора между Россией и Персией 1813 г., на который до него фактически не обращали внимания. Речь идёт о том, что подданные обеих сторон, взятые в плен или захваченные в рабство, получали право вернуться на родину [Полное собрание законов, 1830, с. 644]. Этот пункт касался в первую очередь Ирана, где государство поддерживало практику насильственного удержания мирного населения, в то время как в России это не было принято. Когда Грибоедов начал работу в этом направлении, мы не знаем, но первые записи появляются в его персидском дневнике между 28 июля и 17 августа 1820 г. Между этими датами Грибоедов записывает «Рассказ Вагина» (рассказ одного из пленных), а потом следуют две записи:

«23 <августа>.хлопоты за пленных. Бешенство и печаль.

24 <августа>. *Idem* <то же самое, *лат.*>. Подмётные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников» [Грибоедов, 1999, с. 315].

К 30 августа Грибоедов собрал 70 бывших солдат российской армии, которые, оказавшись в персидском плену, принудительно служили в персидской армии, где высоко ценились, поскольку имели хорошую выучку и навыки. Но теперь эти 70 человек выразили желание вернуться в Россию. По поводу этих солдат у Грибоедова состоялся такой разговор с Наиб-султаном:

«Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как другие чиновники русские, которые сюда приезжали? Они мне просто объявляли свои порученности.

Я. Мы поступаем по трактату, и оттого его вам не объявляем, что вы лучше нас должны его знать: он подписан вашим родителем.

Н<аиб>-с<ултан>. Если Мазарович будет так продолжать, поезжайте в Тейрань.

Я. Мы не по доброй воле в Таврисе, а по вашему приказанию.

Н<аиб>-с<ултан>. Видите ли этот водоём? Он полон, и ущерб ему не велик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России.

Я. Но если бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, зачем им мешать?

Н<аиб>-с<ултан>. Я не мешаю русским возвратиться в отечество.

Я. Я это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают» [Грибоедов, 1999, с. 315].

После долгих препирательств, сообщает Грибоедов, «пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведённых, один только снова перешёл на службу к его высочеству, но и этот ушёл от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил, что он обеспамятовал, сам не знает, как его отсунули от своих и проч.» В пару к этому эпизоду Грибоедов рассказывает другой:

«Тут он <Наиб-султан> позвал нашего беглеца С<амсона> М<акинцева>; я не вытерпел и объявил, что не только стыдно должно бы быть иметь этого шельму между своими окружающими, но ещё стыднее показывать его благородному русскому офицеру, и что бы Наиб-султан сказал, кабы государь прислал с ним трактовать беглого из Персии армянина? – “Он мой нюкер”. – “Хоть будь он вашим генералом, для меня он подлец, каналья, и я не должен его видеть”. – Тут

он рассердился, зачал мне говорить всякий вздор, я ему вдвое, он не захотел иметь больше со мною дела – и мы расстались» [Грибоедов, 1999, с. 317].

Один из 70-и и Самсон Макинцев представляют разные типы поведения: преданность и измена родине. Они как будто нечаянно разом предстали перед художественным взглядом Грибоедова, так что трудно решить: то ли это сознательно смоделированный художественный приём, то ли действительное стечение реальных обстоятельств.

На то, что мы видим в этом эпизоде художественную конструкцию, указывает упоминание гипотетического «беглого из Персии армянина», участие которого в переговорах со стороны России должно было бы оскорбить персиянина в той же мере, как русского подданного Грибоедова оскорбляет участие в переговорах изменщика Самсона Макинцева. Таким образом, говоря с Наиб-Султаном, Грибоедов признаёт армян законными подданными Персии. Трудно сказать, является ли это признание вполне искренним или оно сделано только ради соблюдения дипломатического этикета. Но несомненно, что Грибоедов не стремится ни к каким нововведениям и не хочет вмешиваться во внутреннюю жизнь Персии. Единственным стремлением Грибоедова является добросовестное исполнение своего долга по отношению к России. Ю. А. Веселовский совершенно верно заметил, что Грибоедов не был армянофилом [Веселовский, 1900, с. 386], но дальше возможны две формулировки. Можно сказать, что он только стремился исполнить свой долг перед государством, добиваясь исполнения статей мирного договора. А можно сказать, что он стремился выполнить свой долг перед армянами-переселенцами, и выполнить в высшей степени добросовестно. Если исходить из первой формулировки, то заслуга государственника Грибоедова перед Арменией и армянами будет значительной, но не жертвенной. Согласно второй формулировке, Грибоедов как посланец доброй воли именно жертвовал собой во имя каждого отдельного человека.

Сопроводив до Тифлиса 70 русских солдат, пожелавших вернуться на родину, Грибоедов возвращается в Персию. По дороге он снова ведёт краткие заметки. Между 12 и 17 января 1820 г. под датой 1801 г. он вписывает: «Цицианов армянам: „Я и об живых об вас небрегу, стану ли возиться с вашими мёртвыми“» [Грибоедов, 1999, с. 320]. Первый публикатор этих заметок Д. А. Смирнов сообщает: «На 2 стр. дневника у Грибоедова проведена черта, какие обыкновенно проводятся для выносок, и за чертой этой описаны вещи, несколько не относящиеся к путешествию. Может быть, они пришли Грибоедову на память, он побоялся их забыть и записал, где случилось» [Смирнов, 1859, с. 56]. Современный комментатор указывает: «Однако, возможно, это сведения, полученные Грибоедовым от кого-то во время путешествия» [Архипова, 1999, с. 581]. Как можно судить, дата 1801 г. относится к князю П. Д. Цицианову, который именно в этом году был назначен главнокомандующим в Грузии (наместник Кавказа с 1802 г.). Кто сообщил Грибоедову эту фразу – до сих пор не установлено. Но, судя по косвенным данным, она имеет апокрифический характер.

В наиболее полной биографии Цицианова нет никаких сведений о том, что какие-то армяне жаловались ему на притеснения или несправедливости, в ответ на что могли бы прозвучать такие слова. Цицианов на самом деле вёл достаточно жёсткую политику, усмиряя коренные народы Кавказа и Закавказья, в частности, именно он начал уничтожать урожай и скот горцев. Это биографы не скрывают. Но в отношении Цицианова к мирному населению биографы подчёркивают соблюдение им, как сказали бы мы сейчас, политической корректности. Так при осаде и штурме в 1804 г. крепости Гянджи он запретил насилие над находившимися там 9-ю тысячами женщин, привезённых из окрестных деревень, чтобы удержать в повиновении их мужей, а потом с гордостью сообщал Александру I, что достиг этой цели [Зубов, 1835, с. 45–50].

Это не значит, конечно, что Цицианов не мог сказать тех слов, которые зафиксировал Грибоедов, но мы не можем ручаться за их достоверность. Однако в данном случае достоверность, видимо, и не важна. Для Грибоедова важно не то, кто именно выразил эту позицию, а сама эта позиция, отталкиваясь от которой, он формирует собственную стратегию. Сформировалась эта стратегия «от противного» в 1820 г., а проявилась она во всю силу в 1827–1829 гг., когда на основании Туркманчайского мирного договора армянские семьи, депортированные с территории Восточной Армении, получили право вернуться на родину [Глинка, 1831; Глинка, 1832; Глинка, 1833].

2

Тема эта проходит через все письма Грибоедова 1828 г. И впервые она возникает в официальных донесениях. Сначала – простая констатация факта в письме к К. К. Родофиникину от 10 июля 1828 г.:

«...более 8000 семейств армянских переселены уже по сю сторону Аракса, остальные за ними вслед выводятся» [Грибоедов, 2006, с. 210–211].

И следом за ним письмо к К. В. Нессельроде от 26 июля 1828 г.:

«L'archevêque arménien Nerses, arrivé d'Etchmiadzin, m'a beaucoup parlé de l'émigration de 8000 familles arméniennes qui sont venues au de-là de l'Araxe pour être colonisées dans nos provinces. Par suite de celà Maraga, Salmas et Ourmia se trouvent à peu près dépeuplées, ce qui fait pour Abbas Mirza, selon le calcul financier des Persans une perte annuelle de 100.000 tomans de rente, ou bien de 4 courours de capital, aussi en a-t-il été extrêmement peiné»² [Грибоедов, 2006, с. 218, 221].

Следует заметить, что письмо это было опубликовано только в XX в., но содержание его было известно современникам. В частности, С. Н. Глинка в 1831 г. ссылается на эти подсчёты Грибоедова, изложенные в письме к Нессельроде при описании переселения армян [Глинка, 1831, с. 94, 113]. Комментаторы знают этот факт [Грибоедов, 2006, с. 505], но не делают вполне естественных выводов. Совершенно очевидно, что когда Паскевич потребовал от Л. Е. Лазарева отчёта

² Перевод: Армянский епископ Нерсес, прибывший из Эчмиадзина, много говорил мне насчёт переселения 8000 армянских семейств, которые пришли из-за Аракса, чтобы поселиться в наших провинциях; вследствие этого Марага, Салмаст и Урмия почти обезлюдели, что для Аббас-Мирзы, согласно финансовому вычислению персов, составляет потерю в 100 000 туманов ежегодного дохода, или 4 курура капитала; это его чрезвычайно огорчило [Грибоедов, 2006, с. 218, 221].

о его деятельности по руководству переселенцами, он предоставил ему и какие-то данные, необходимые для этого отчёта, в том числе и циркулировавшие в дипломатической переписке данные Грибоедова.

Итак, Грибоедов сначала (10 июля) просто сообщает факт, потом, через две с небольшим недели (26 июля), указывает на первые, наиболее очевидные последствия – неприятности, причинённые персидским властям. Но не проходит и месяца, как выявляются более существенные проблемы.

И первой такой проблемой оказывается вопрос, почему это произошло. Грибоедов пишет К. В. Нессельроде 20 августа 1828 г.:

«Cela provient, à mon avis, de la manière fautive des deux côtés d'envisager et de vouloir forcer le sens de l'article XIV du Traité qui porte: "Concernant la masse de la population dans les deux pays que les sujets respectifs qui auraient passé, ou qui". C'est de cette phrase qu'on s'est étayé pour faire passer la frontière à plusieurs milles familles arméniennes, qui ont quitté l'Aderbéjan pour venir s'établir chez nous, émigration nombreuse qu'on n'a pas certainement prévue au moment de signer le traité et qui a été instiguée par le zèle national et religieux du colonel Lazareff et de quelques missionnaires d'Etchmiadzin»³ [Грибоедов, 2006, с. 228, 230–231].

Грибоедов сваливает вину иммиграции на «миссионеров из Эчмиадзина» и Л. Е. Лазарева, который возглавлял специальную комиссию по переселению армян [Михайлова, 1989; Мясоедова, 1994]. Но истинным-то виновником был он сам как составитель Туркманчайского договора, и дело не в статье XIV, которую он цитирует, а статья XV, содержавшая буквально следующее:

«Е<го> в<еличество> шах <...> дарует совершенно и полное прощение всем жителям и чиновникам области, именуемой Азербайджаном. Никто из них, к какому бы разряду ни принадлежал, не может подвергнуться преследованию, ниже оскорблению за мнения, поступки свои или поведение в течение войны или в продолжение временного занятия помянутой области российскими войсками. сверх того, будет предоставлен тем чиновникам и жителям годичный срок, считая от сего числа, для свободного перехода со своими семействами из персидских областей в российские, для вывоза и продажи движимого имущества, без всякого со стороны правительства и местных начальств препятствия и не подвергая продаваемые или вывозимые сими лицами имущества и вещи какой-либо пошлине или налогу. Относительно же имения недвижимого определяется пятилетний срок для продажи оного или учинения произвольных об оном распоряжений» [Грибоедов, 2006, с. 384].

А поскольку многие армяне на самом деле оказывали помощь российским войскам и имели основание опасаться преследований, пункт этот был очень важен.

Это переселение армян очень сильно ударило по персам, лишив их доходов, но сильно ударило оно и по русскому правительству, ввергнув его в неожиданные хлопоты. Грибоедов понимал, что в Петербурге адекватно оценивают его роль в этом переселении, и писал К. В. Нессельроде 23 сентября 1828 г.:

³ Перевод: Это происходит, по моему мнению, из-за ошибочного с обеих сторон понимания и желания извратить смысл статьи XIV Соглашения, которая гласит: «Что касается населения двух стран, подданные каждой страны, которые перешли или перейдут в будущем из одного государства в другое, свободны это делать». Этой фразой воспользовались, чтобы провести через границу несколько тысяч армянских семей, которые оставили Азербейжан, чтобы обосноваться у нас, – многочисленная эмиграция, которую, конечно, не предвидели в момент подписания договора и которой способствовало национальное и религиозное усердие полковника Лазарева и некоторых миссионеров из Эчмиадзина [Грибоедов, 2006, с. 228, 230–231].

«Je me suis mis à tâche de rapporter tous ces détails a Votre Excellence, pour mettre au jour la véritable manière d'envisager toutes ces émigrations, ces faux-fuyants et toutes les déviations partielles au traité, dont on a cru aussi s'avantager de notre côté, et qui ne peuvent tomber qu'à notre charge. Aux huit mille familles arméniennes, récemment transplantées chez nous, on peut opposer, dans nos provinces, une population musulmane vingt fois plus forte, dont la fidélité a toujours été vacillante, et si une insinuation étrangère un moment soufferte par nos autorités, nul doute, que toute la masse des mahométans, opposés à notre croyance et à nos lois, s'ébranlerait pour aller chercher fortune dans un pays limitrophe, avec lequel elle sympathise et par les dogmes de la religion, et par ses usages» [Грибоедов, 2006, с. 239, 241]⁴.

То есть: к нам-то переселилось 8 тысяч армянских семей, но точно так же от нас могут уйти гораздо большее число магометан. Грибоедов пишет об этом так, как будто не он сам редактировал текст трактата.

Армянская иммиграция оказалась для русских властей непомерной обузой. И в этой ситуации стали, как всегда, искать виноватого. Таким виноватым Паскевич попытался сделать полковника Л.Е. Лазарева. Между тем, как следует из опубликованных документов, Паскевич сам поручил Лазареву 26 февраля 1828 г. руководить переселением армян и дал ему весьма подробную инструкцию, автор которой не установлен [Глинка, 1831, с. 98–107]. Лазарев ещё 30 марта 1828 г. написал обращение к армянам, проживавшим в Азербайджанской области, на русском и армянском языках [Глинка, 1831, с. 107–111]. И если его инициативами были недовольны, было предостаточно времени, чтобы остановить его. Итак, Лазарев начал свои действия 22 февраля, переселил 8249 семейств, и никто не думал его останавливать до 11 июня, когда ему приказали приостановить переселение ещё 1500 семейств, что он вполне добросовестно выполнил [Глинка, 1831, с. 131]. Всё это Лазарев изложил в своём отчёте Паскевичу, законченном только 24 декабря 1829 г. [Глинка, 1831, с. 112–134]. И все эти действия Лазарева трудно назвать инициативами, хотя семья Лазаревых, сама давно переселившаяся в Россию, вполне естественно поддерживала эту иммиграцию.

Но к началу сентября проблема с устройством армян-переселенцев встала со своей остротой. И накануне отъезда из Тифлиса Грибоедов получает от И.Ф. Паскевича задание изучить по дороге в Персию положение дел с переселенцами на местах и сообщить ему свои соображения. Первым таким документом была «Записка об учреждении Российской Закавказской компании» (9 сентября 1828), которая была составлена ещё в Тифлисе и оставлена на рассмотрение Паскевича. Здесь Грибоедов предлагал возложить заботы о части иммигрантов на Компанию:

---

⁴ Перевод (Я счёл себя обязанным довести эти подробности до сведения вашего сиятельства, чтобы показать в истинном свете, что представляют собой все эти переселения, эти лжебеженцы, как и все частные отступления от трактата, которые считали выгодными и для нашей стороны и которые только обременяют нас. Восьми тысячам армянских семей, недавно переселённых к нам, можно противопоставить в двадцать раз их превосходящее мусульманское население наших провинций, верность которого никогда не была прочна, и, если какое-либо иностранное вмешательство было бы хоть на мгновение допущено нашими властями, нет сомнения, что вся масса магометан, противных нашей вере и законам, сдвинулась бы с места и отправилась искать счастья в соседнем государстве, с которым их сближают обычаи и религиозные догматы) [Грибоедов, 2006, с. 239, 241].

«Компания охотно берётся разрешить их, – если на то последует согласие вашего сиятельства, – приняв в своё ведение то число семейств, которое собственными средствами содержать себя не может и в новом своём водворении не укоренилось надлежащим и прочным образом. В сем предположении внесена по сему предмету статья в проект Устава. Если же сии выходы требуют скорого пособия, то нижеподписавшиеся просят ваше сиятельство, дабы им как учредителям по утверждению Устава тотчас была выдана достаточная сумма заимообразно на счёт компании для обеспечения существования означенных армян и дозволено было их принять немедленно в ведение Компании на известных условиях. Сумму же сию Компания обязывается возвратить, коль скоро подписки на акции и взнос денег приведены будут к окончанию» [Грибоедов, 2006, с. 343].

Разумеется, это был хитрый ход: государство и так должно было выделить деньги на обустройство иммигрантов, так пускай оно выделит их через Компанию: и иммигрантам поможет, и Компания наживётся.

Результаты своих наблюдений в бывшем Эриванском ханстве Грибоедов отразил 18–25 сентября 1828 г. в «Записке о переселении армян из Персии в наши области». Грибоедов называет иммиграцию стихийной:

«...полков<ник> Л<азарев> почитал себя главным побудителем этой эмиграции, о чём, как вам известно, он изъяснялся довольно гласно, но неосновательно, потому что армяне никакого понятия не имели о нём, будучи единственно движимы доверенностью к России и желанием быть под её законами. Трактат давал им на сие полное право. Деятельными орудиями при переселении были: князь <М. З.> Аргутинский<-Долгоруков>, Гамазов, а другие подчинённые офицеры действовали уже под их влиянием. Полковник Л<азарев> помышлял только о сочинении прокламаций, довольно неуместных, между прочим, о сформировании регулярного армянского ополчения, полагая даже включить в круг своих замыслов, хотя благонамеренно, но необдуманно, и самый Карабаг и прочие области, имеющие своё начальство, и где особенной власти от давно учреждённых не могло быть допущено. Князь Аргутинский представлял ему несколько раз о его поведении, как это всё хвастливо, ветрено и бесполезно. Все прочие дела полковника Л<азарева> были такого же рода и не стоят того, чтобы о них распространяться. Должно только прибавить, что он человек пустой, но не безнравственный, не способен утаивать казённых денег и делать вред умышленно» [Грибоедов, 2006, с. 322].

Грибоедов отмечает, что «при помещении их <переселенцев> у нас на новых местах всё сделано бессмысленно, нерадиво и непростительно», что специально созданный переселенческий Комитет «ничего не ведал и тем более достоин осуждения, что от вашего сиятельства имел самое точное и подробное наставление, как ему в сем случае поступать» [Грибоедов, 2006, с. 322].

Из этого рапорта следует, что Паскевича весьма взволновали непредвиденные расходы, которые сделал Лазарев без предварительного согласования. Но расходы при переселении огромного числа людей на самом деле должны были быть весьма большими, и денег могло действительно не хватить, а ошибки при первоначальной раздаче денежной помощи вполне извинительны при таких масштабах помощи (да и не сам Лазарев раздавал эти деньги, конечно). Однако в финансовом отношении Грибоедов защищает Лазарева, называя его «пустым», но не «безнравственным». Лазарев получил задание Паскевича перевести семьи армян из Персии в Россию, что и выполнил. Но он не получал задания организовать приём этих семей на новой территории. А получилось, что он оказался невольно виновным и в этом.

Как следует думать, Грибоедов несправедлив по отношению к Лазареву как исполнителю переселения. Несомненно, ангажированный Лазаревыми С. Н. Глинка, создавший апологетические книги о роли Л. Е. Лазарева в деле переселения, по-своему справедливо называл его «посредником между армянами и русскими» [Глинка, 1831, с. 44]. Изображая порыв армян-переселенцев, он в разных книгах приводит одну их фразу: «Рады лучше есть траву русскую, чем хлеб персидский» [Глинка, 1833, с. 257–259; Глинка, 1831, с. 69]. Едва ли эта фраза имеет апокрифический характер. Когда люди бросили насиженные места и отправились на свою историческую родину (в любом случае претерпев материальные утраты), они, несомненно, переживали состояние экзальтации. И для такой акции Лазарев был, видимо, самым подходящим человеком. Но потом наступало протрезвление, и тут требовался другой, более расчётливый человек.

Когда Лазарев тратил деньги на переселенцев, это выглядело неразумно. Но теперь и сам Грибоедов переводит разговор в финансово-экономический план, представляя Паскевичу выгоды, которые тот может получить в дальнейшем, вложив сейчас определённые суммы в обеспечение армян-иммигрантов. Трудно сказать, в какой мере эта сторона вопроса была важна для самого Грибоедова, либо он выдвигал её в надежде подвинуть Паскевича на помощь беженцам.

Следующим на пути Грибоедова в Персию было Нахичеванское ханство. И Грибоедов 1 октября 1828 г. из Нахичевани предлагает Паскевичу новые варианты решения армянского вопроса:

«Надлежит в наискорейшем времени выслать отсюда далее, а именно в Даралагез, часть новопривывших семейств, хотя не более 500; для них там и места готовы, и старожилы берутся им выстроить дома на зиму. <...> В бытность мою в Эривани кн<язь> Аргутинский всеми силами противился новому переселению некоторых семейств из Нахичеванской области в Даралагез. Я и тогда видел, что он слишком горячо вступает за интересы вверенных ему выходцев, и это ему честь делает; также и здешний штаб-капитан Неверовский, от него зависящий. Всякий частный чиновник должен грудью стоять за вверенную ему порученность; но дело главного начальства знать, какие, в частности, допускать уступки для достижения общей пользы. Если ваше сиятельство предпишете в наискорейшем времени переселить упомянутое число 500 семейств новопришедших армян в Даралагезский округ, то окажете сим истинное благодеяние Нахичеванской области» [Грибоедов, 2006, с. 246–247].

В этом письме принципиальное значение получает то противопоставление «частного чиновника», который «должен грудью стоять за вверенную ему порученность», и «главного начальства», идущего на компромиссы и «уступки для достижения общей пользы», о котором мы уже писали выше. Как можно судить по интонациям письма, Грибоедов стоит на позиции «главного начальства». Позиция «частного чиновника» ему, похоже, не симпатична. Однако в письме к В. С. Миклашевич, гражданской жене А. А. Жандра, от 3 декабря 1828 г. он пишет иначе:

«Друзей не имею никого, и не хочу, должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и уверяю вас, что в этом я поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в

персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали Сахтгир <жестокое сердце; تخش بلىق *перс.*>, сœur dur <жестокое сердце; *фр.*>. К нам перешло до 8 т<ысяч> армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днём, ни ночью покоя; однако охраняю их достояние и даже доходы; всё кое-как делается по моему слову» [Грибоедов, 2006, с. 175].

Получается, что теперь Грибоедов становится на позицию «частного чиновника», последовательно и неуклонно выполняющего свой долг и не идущего на компромиссы и уступки. Может быть, Грибоедов и раньше так думал, но перед Нессельроде, Родофиникином и даже Паскевичем скрывал свою истинную позицию. А то, что он только один раз выразил её, объясняется тем, что частных писем Грибоедова за это время вообще практически не сохранилось (да он, видимо, мало их и писал). Но эта «частная» позиция удивительным образом сочетается у Грибоедова с государственными и – более – верноподданническими интересами: «...должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович».

Эта частная позиция выражается, впрочем, и в письме к официальному петербургскому чиновнику К. К. Родофиникину от начала декабря 1828 г.:

«Другое обстоятельство так же не давало мне здесь покою ни днём, ни ночью, и эта чаша меня минует в Тегеране, отдалённом от места происшествий. По Трактату, все перешедшие к нам из Азербейжана, ханы и простолюдины, в течение 5 лет пользуются доходами от своих имений, здесь ими оставленных, и имеют право продавать их. Вы можете себе представить, сколько ежедневных просьб я по сему предмету получаю, сколько упомянутых ходатайств, нот и переговоров. Одних выселенцев из армян к нам перешло до 8 т<ысяч> семейств, и я теперь их общий стряпчий, и должен иметь хождение по их делам, за их дома, сады, мельницы!! Многое мне уже удалось сделать и привести в исполнение» [Грибоедов, 2006, с. 297].

Здесь та же фразеология, что и в письме к Миклашевич, и оба эти письма написаны в одно и то же время. Пока Грибоедов жил в России или находился на пути к шахскому двору, – он жил ещё государственными интересами России, и в нём говорил не «частный чиновник», а «главный начальник». Когда он приехал в Тегеран, он поневоле должен был решать задачи, которые непосредственно вытекали из написанного им самим мирного договора. Договор был написан правильно, в интересах не только государства, но и человека. Но выполнение тех статей договора, которые затрагивали интересы частного человека, оказались для государства неправильными: ненужными и во всяком случае обременительными. Для отправления нормальной жизни потребовались обходные манёвры вокруг этих статей.

Мы стоим перед двумя выводами. Можно сказать, что Грибоедов стремился только исполнить свой долг перед государством, добиваясь исполнения статей мирного договора. А можно сказать, что он стремился в первую очередь исполнить свой долг перед теми армянами, которых подтолкнул к переселению в Россию составленный им договор, но которых он сам в Россию не переселял. И стремился он исполнить свой долг в высшей степени добросовестно. Если принять первый вывод, то заслуга государственника Грибоедова перед Арменией и армянами будет значительной, но не жертвенной. Согласно второму выводу Грибоедов как

посланец доброй воли (мы намеренно осовремениваем терминологию) именно жертвовал собой во имя каждого отдельного человека. Но в какой мере эта современная терминология отвечала реальным понятиям первой трети XIX в.? И не переносим ли мы наши современные понятия в головы людей прошедших эпох? Мы считаем своей обязанностью строго соблюдать историческую точность, пренебрегая даже теми выгодами, которые может дать нам историческое забвение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипова, А. В. Комментарии / А. В. Архипова // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. – Санкт-Петербург: Нотабене, 1999. – С. 556–610.

Веселовский, Юрий. Литературные очерки. Т. 1 / Юрий Веселовский. – Москва: Типо-лит. А. В. Васильева, 1900. – 592 с.

Глинка, С. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времён Армении. Почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкой / С. Глинка. – Москва: В тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1831. – 142 с.

Глинка, С. Обзорение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи / Соч. Сергея Глинки. – Москва: Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1832. Ч. 1. – 357 с.

Глинка, С. Обзорение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи / Соч. Сергея Глинки. – Москва: Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1833. Ч. 2. – 310 с.

Грибоедов, А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 2 / Гл. ред. С. А. Фомичев. – Санкт-Петербург: Нотабене, 1999. – 618 с.

Грибоедов, А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 3 / Гл. ред. С. А. Фомичев. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. – 687 с.

Ениколопов, И. К. Из истории русско-иранских отношений и дипломатической деятельности А. С. Грибоедова // Историко-филологический журнал. – 1962. – № 4. – С. 143–151.

Зубов, П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Описанные Платоном Зубовым. – Санкт-Петербург: В тип. Конрада Вингевера, 1835. Т. 1. Ч. 1. – 222 с.

Исаакян, Авик. А. С. Грибоедов и Армения / Авик Исаакян // Պսևսիս-րիփսիսիրալիսի հանդես = Historical-Philological Journal. – 2005. Vol. 1. – P. 141–159.

Михайлова, О. И. Л. Е. Лазарев, знакомый Грибоедова / О. И. Михайлова // А. С. Грибоедов: Материалы к биографии: Сборник научных трудов / Отв. ред. С. А. Фомичев. – Ленинград: Наука, 1989. – С. 154–162.

Мясоедова, Н. Е. Неизвестное письмо А. С. Грибоедова к К. В. Нессельроде // Проблемы творчества А. С. Грибоедова / Отв. ред. С. А. Фомичев / Н. Е. Мясоедова. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. – С. 272–278.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года.– Санкт-Петербург: Тип. II Отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 32: 1812–1815.– 1107 с.

Сафарян, Р. Д. Армения глазами русских литераторов: Учебное пособие / Р. Д. Сафарян.– Санкт-Петербург: Златоуст, 2013.– 304 с.

Смирнов, Д. Черновая тетрадь Грибоедова / Д. Смирнов // Русское слово.– 1859.– № 4.– С. 1–82.

Строганов, М. В. Тифлисская публицистика Грибоедова 1819 года / М. В. Строганов // «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»: Материалы международной конференции 7–9 октября 2015 г.– Вязьма–Хмелита, 2016. Хмелитский сборник. Вып. 17.– С. 48–68.

Фомичев, С. А. Грибоедов. Энциклопедия / С. А. Фомичев.– Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007.– 396 с.

Хомани, И. Б. Картина европейского гравёра и картографа И. Б. Хоманна (1664–1724 гг.) «Эривань, главный город Армении» / И. Б. Хомани.– URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ереван#/media/Файл: Erivan_die_Haupt-Stadt_in_Armenia.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ереван#/media/Файл:Erivan_die_Haupt-Stadt_in_Armenia.jpg); <https://dl.wdl.org/11740/service/11740.pdf> (15.03.2021).

Цикулин, Д. И. Необыкновенные похождения и путешествия русского крестьянина Дементия Иванова Цикулина, в Азии, Египте, Восточной Индии, с 1808 по 1821 год, им самим описанные / Д. И. Цикулин // Северный архив.– 1825.– Ч. 15.– № 9.– С. 48–67.

Шарден, Ж. Панорама Эривани в 1672 году (гравюра из книги Ж. Шардена) / Ж. Шарден.– URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ереван#/media/Файл:05_Chardin_Yerevan1672.gif; <https://repository.library.brown.edu/studio/item/bdr:216519/> (15.03.2021).

Bournoutian, George A. The Politics of Demography: Misuse of Sources on the Armenian Population of Mountainous Karabakh // Journal of the Society for Armenian Studies. Society for Armenian Studies, 1999. Vol. 9.– P. 99–103.

An Ethnohistorical Dictionary of the Russian and Soviet Empires / James Stuart Olson, Lee Brigance Pappas, Nicholas Charles Pappas, Nicholas C.-J. Pappas. Westport Conn: Greenwood Publishing Group, 1994.– 840 p.

The Armenian People from Ancient to Modern Times: Foreign dominion to statehood: the fifteenth century to the twentieth century / Ed. Richard G. Hovannisian.– London: Palgrave Macmillan, 2004.– 512 p.

Price, Massoume. Iran's Diverse Peoples: A Reference Sourcebook. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2005.– 376 p. (Series: Ethnic Diversity Within Nations).

REFERENCES

Arhipova, A. V. Kommentarii / A. V. Arhipova // Griboedov A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. T. 2.– Sankt-Peterburg: Notabene, 1999.– S. 556–610.

Cikulin, D. I. Neobyknovennye pohoždeniya i puteshestviya russkogo krest'yanina Dementiya Ivanova Cikulina, v Azii, Egipte, Vostočnoj Indii, s 1808 po 1821 god, im samim opisannye / D. I. Cikulin // Severnyj arhiv. – 1825. – Ch. 15. – № 9. – S. 48–67.

Enikolopov, I. K. Iz istorii russko-iranskikh otnoshenij i diplomatičeskoj deyatelnosti A. S. Griboedova / I. K. Enikolopov // Istoriko-filologičeskij žurnal. – 1962. – № 4. – S. 143–151.

Fomichev, S. A. Griboedov. Enciklopediya / S. A. Fomichev. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2007. – 396 s.

Glinka, S. Opisanie pereseleniya armyan adderbidzhanskikh v predely Rossii, s kratkim predvaritel'nym izloženiem istoričeskikh vremyon Armenii. Pocherpnutoe iz sovremennykh zapisok Sergeem Glinkoj / S. Glinka. – Moskva: V tip. Lazarevykh In-ta vost. yaz., 1831. – 142 s.

Glinka, S. Obozrenie istorii armyanskogo naroda ot nachala bytiya ego do vozroždeniya oblasti Armyanskoj v Rossijskoj imperii / Soch. Sergeya Glinki. – Moskva: Tip. Lazarevykh Instituta vostočnykh yazykov, 1832. CH. 1. – 357 s.

Glinka, S. Obozrenie istorii armyanskogo naroda ot nachala bytiya ego do vozroždeniya oblasti Armyanskoj v Rossijskoj imperii / Soch. Sergeya Glinki. – Moskva: Tip. Lazarevykh Instituta vostočnykh yazykov, 1833. CH. 2. – 310 s.

Griboedov, A. S. Polnoe sobranie sočinenij: v 3 t. T. 2 / Gl. red. S. A. Fomichev. – Sankt-Peterburg: Notabene, 1999. – 618 s.

Griboedov, A. S. Polnoe sobranie sočinenij: v 3 t. T. 3 / Gl. red. S. A. Fomichev. – Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2006. – 687 s.

Homann, I. B. Kartina evropejskogo gravyora i kartografa I. B. Homanna (1664–1724 gg.) «Erivan', glavnyj gorod Armenii» / I. B. Homann. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Erevan#/media/Fajl: Erivan_die_Haupt-Stadt_in_Armenia.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Erevan#/media/Fajl:Erivan_die_Haupt-Stadt_in_Armenia.jpg); <https://dl.wdl.org/11740/service/11740.pdf> (15.03.2021).

Isaakyan, Avik. A. S. Griboedov i Armeniya: historical-philological-journal-2005. Vol. 1. – P. 141–159.

Mihajlova, O. I. L. E. Lazarev, znakomyj Griboedova / O. I. Mihajlova // A. S. Griboedov: Materialy k biografii: Sbornik nauchnyh trudov / Otv. red. S. A. Fomichev. – Leningrad: Nauka, 1989. – S. 154–162.

Myasoedova, H. E. Neizvestnoe pis'mo A. S. Griboedova k K. V. Nessel'rode / H. E. Myasoedova // Problemy tvorčestva A. S. Griboedova / Otv. red. S. A. Fomichev / N. E. Myasoedova. – Smolensk: TRAST-IMAKOM, 1994. – S. 272–278.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. – Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya sobstv. e. i. v. kancelyarii, 1830. T. 32: 1812–1815. – 1107 s.

Safaryan, R. D. Armeniya glazami russkikh literatorov: Učebnoe posobie / R. D. Safaryan. – Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2013. – 304 s.

Sharden, Zh. Panorama Erivani v 1672 godu (gravvura iz knigi Zh. Shardeny) / Zh. Sharden.– URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Erevan#/media/Fajl:05_Chardin_Yerevan1672.gif; [https://repository.library.brown.edu/studio/item/bdr:216519/\(15.03.2021\)](https://repository.library.brown.edu/studio/item/bdr:216519/(15.03.2021)).

Smirnov, D. Chernovaya tetrad' Griboedova / D. Smirnov // Russkoe slovo.– 1859.– № 4.– S. 1–82.

Stroganov, M. V. Tiflisskaya publicistika Griboedova 1819 goda / M. V. Stroganov // «Um i dela tvoi bessmertny v pamyati russkoj...»: Materialy mezhdunarodnoj konferencii 7–9 oktyabrya 2015 g.– Vyaz'ma–Hmelita, 2016. Hmelitskij sbornik. Vyp. 17.– S. 48–68.

Veselovskij, Yurij. Literaturnye ocherki. T. 1 / Yurij Veselovskij.– Moskva: tipo-lit A. Vasileva, 1900.– 592 s.

Zubov, P. Podvigi russkikh voynov v stranakh kavkazskikh s 1800 po 1834 god. Opisannye Platonom Zubovym.– Sankt-Peterburg: V tip. Konrada Vingevera, 1835. T. 1. CH. 1.– 222 s.

Bournoutian, George A. The Politics of Demography: Misuse of Sources on the Armenian Population of Mountainous Karabakh // Journal of the Society for Armenian Studies. Society for Armenian Studies, 1999. Vol. 9.– P. 99–103.

An Ethnohistorical Dictionary of the Russian and Soviet Empires / James Stuart Olson, Lee Brigance Pappas, Nicholas Charles Pappas, Nicholas C.-J. Pappas. Westport Conn: Greenwood Publishing Group, 1994.– 840 p.

The Armenian People from Ancient to Modern Times: Foreign dominion to statehood: the fifteenth century to the twentieth century / Ed. Richard G. Hovannisian.– London: Palgrave Macmillan, 2004.– 512 p.

Price, Massoume. Iran's Diverse Peoples: A Reference Sourcebook. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2005.– 376 p. (Series: Ethnic Diversity Within Nations).